

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2510](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510)

М. Г. Колосницына, А. Золотарёва

**ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ НА НЕЗДОРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ****Правильная ссылка на статью:**

Колосницына М. Г., Золотарёва А. Влияние внешних шоков на нездоровое поведение: пандемия COVID-19 и потребление алкоголя // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 148—175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>.

For citation:

Kolosnitsyna M. G., Zolotareva A. (2024) Impact of External Shocks on Unhealthy Behavior: COVID-19 Pandemic and Alcohol Consumption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 148–175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>. (In Russ.)

Получено: 25.10.2023. Принято к публикации: 27.12.2023.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ НА НЕЗДОРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ

КОЛОСНИЦЫНА Марина Григорьевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор Департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mkolosnitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-6986>

ЗОЛОТАРЁВА Алина — стажер-исследователь Лаборатории экономических исследований общественного сектора Центра фундаментальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: azolotareva@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3853-0333>

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния внешних шоков, связанных с пандемией COVID-19, на вероятность и объемы потребления алкоголя в России. Переменными интереса выступают показатели избыточной смертности в регионе проживания человека (переменная, отвечающая за стресс) и безработицы (переменная экономического неблагополучия). Комбинируя микроданные РМЭЗ НИУ ВШЭ и региональные данные Росстата, авторы оценивают эконометрические модели за 2019—2021 гг. отдельно для мужчин и женщин. Проведенный анализ показал, что с ростом уровня безработицы в регионе на 1% вероятность потребления алкоголя снижалась на 2% у женщин и на 3% у мужчин в 2020 г., на 2% у мужчин в 2021 г. В 2020 и 2021 гг. объемы потребления чистого этанола среди пьющих ре-

IMPACT OF EXTERNAL SHOCKS ON UNHEALTHY BEHAVIOR: COVID-19 PANDEMIC AND ALCOHOL CONSUMPTION

Marina G. KOLOSNITSYNA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Department for Applied Economics

E-MAIL: mkolosnitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-6986>

Alina ZOLOTAREVA¹ — Research Intern, Laboratory for Economic Research in Public Sector

E-MAIL: azolotareva@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3853-0333>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article studies the impact of external shocks associated with the COVID-19 pandemic on the likelihood and volumes of alcohol consumption in Russia. The variables of interest are excess mortality in the individual's region of residence (the variable responsible for stress measurement) and unemployment (the variable characterizing economic decline). Combining microdata from the RLMS HSE survey and regional data from Rosstat, the authors estimate econometric models for 2019—2021, separately for men and women. The estimates obtained show that with an increase in the unemployment rate in the region by 1%, the likelihood of alcohol consumption has been decreasing by 2% for women in 2020, by 3% for men in 2020, and by 2% for men in 2021. The volume of consumption of pure ethanol among alcohol consumers increased by

спондентов увеличивались на 1—2% с ростом избыточной смертности в регионе на единицу (то есть 1 человека в расчете на 100 тыс. жителей) — это верно и для мужчин, и для женщин. Однозначной связи объемов потребляемого алкоголя с безработицей при этом не выявлено.

Исследование подтверждает гипотезу о том, что изменения в потреблении алкоголя российским населением в 2020—2021 гг. были обусловлены разнонаправленными факторами — стрессом и ухудшением экономического положения. Некоторые другие факторы поменяли свою значимость в 2020—2021 гг. в сравнении с «доквидным» годом: на вероятность потребления алкоголя стало влиять образование, причем у женщин — положительно, а у мужчин — отрицательно. В сравнении с базовым уровнем у женщин, имеющих образование более высоких ступеней, вероятность потреблять алкоголь хотя бы иногда возрастает на 20—30%, у мужчин, напротив, снижается на 10%. В 2021 г., в отличие от предыдущих лет, и вероятность, и объемы потребления алкоголя увеличивались с доходом как у мужчин, так и у женщин. Одновременно снижались вероятность и объемы потребления жителями поселков, и наоборот — стали больше пить мужчины, живущие в столицах. Исследование подтверждает, что потребление алкоголя находится под влиянием целого ряда факторов как микро-, так и макроуровня, и пандемия COVID-19 оказала воздействие на общую динамику потребления алкоголя.

Ключевые слова: вероятность потребления алкоголя, факторы потребления

1—2% with an increase in excess mortality in the region by one unit (that is, 1 person per 100 thousand inhabitants) for both men and women. At the same time, the analysis revealed no statistically significant relationship between the volume of alcohol consumption and unemployment.

The study generally confirms the hypothesis that, in 2020—2021, changes in alcohol consumption in Russia were caused by multidirectional factors, namely, stress and deterioration of the economic situation. Some other factors changed their significance in 2020—2021 compared to the pre-pandemic year. Thus, education became a significant factor of the probability of alcohol consumption, with a positive effect for women and a negative effect for men. Compared to the baseline level, in women with higher levels of education, the likelihood of consuming alcohol at least sometimes increases by 20-30%; in men, on the contrary, it decreases by 10%. In 2021, unlike in previous years, both the likelihood and amount of alcohol consumption were positively associated with income for both men and women. At the same time, both the probability and volume of consumption decreased for those living in small settlements, and conversely, men living in capital cities consumed more alcohol. The study confirms that a range of both micro- and macro-level factors influence alcohol consumption, and the COVID-19 pandemic contributed to its overall dynamics.

Keywords: likelihood of alcohol consumption, drivers of alcohol consumption

алкоголя, избыточная смертность, стресс, безработица, потребление алкоголя

tion, excess mortality, stress, unemployment, alcohol consumption

Благодарность. Исследование проводилось в рамках проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. The study was held within the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

Потребление алкоголя, характерное для жителей большинства развитых стран мира, давно стало предметом изучения представителями самых разных наук — от медицины и психологии до социологии и экономики. Алкоголь — классический пример аддиктивного блага, потребление которого увеличивается по мере формирования привычки. Выбор потребителя может характеризоваться как рациональный или как «близорукий», в зависимости от того, осознает ли он возможные последствия [Becker, Murphy, 1988; Becker et al., 1994]. Особенность алкоголя как экономического блага также в том, что он оказывает влияние не только на самого пьющего, но и на других людей. Так называемые негативные экстерналии потребления алкоголя для общества — это сокращение рабочей силы и производительности труда, дополнительная нагрузка на систему здравоохранения, рост насилия, в том числе в семье, криминальная активность, ДТП, аварии на производстве, пожары. Вот почему потребительский выбор в данном случае не может быть свободным, а государства в тех странах, для которых характерен высокий уровень потребления алкоголя (в их числе и Россия), предпринимают специальные меры, так или иначе ограничивающие его.

Динамика потребления алкоголя во всех «пьющих» странах немонотонна: находясь под воздействием разнообразных факторов, она характеризуется выраженными циклами [Радаев, 2022]. Многочисленные исследования, проводившиеся на основе микроданных в разных странах мира, выделяют в качестве детерминант потребления алкоголя демографические (пол и возраст), социально-экономические (семейный статус, местожительства (крупные или мелкие города, села), образование, статус занятости, доходы или заработки) и меры антиалкогольной политики (акцизы или цены на спиртное, временные ограничения розничной торговли) [Рощина, Богданов, 2018]. Отдельные работы подтверждают влияние возрастной когорты и так называемых пир-эффектов, то есть поведения сверстников, объясняя им сокращение потребляемых объемов чистого спирта среди молодых людей [Radaev et al., 2020; Kueng, Yakovlev, 2021]. Другой пласт исследований концентрируется на макроуровне: они показывают, что выбор потребителя (пить — не пить, и если пить, то сколько) определяется, помимо прочего, социально-экономической обстановкой в стране. В годы кризисов, когда снижаются доходы и растет безработица, при прочих равных условиях люди меньше пьют и курят, больше занимаются спортом [Rhum, Black, 2002; Toffolutti, Suhrcke, 2014; Ásgeirsdóttir et al., 2016]. Таким образом, поведение потребителей в отношении алкоголя определяется как индивидуальными различиями, так и факторами макроуровня, действующими одновременно на всех жителей страны.

В России в последние годы наблюдался отчетливый тренд на сокращение потребления алкоголя: продажи спиртных напитков в пересчете на чистый спирт в расчете на душу взрослого населения снизились с 11,7 л в 2005 г. до 7,2 л в 2017 г.¹ Однако начиная с 2018 г. динамика изменилась: идет медленный, но устойчивый рост этого показателя, к 2021 г. он достиг 7,7 л. По-видимому, как сокращение, так и рост потребления алкоголя могли быть обусловлены рядом причин, и одна из них — кризис, вызванный пандемией COVID-19, которая стала серьезным шоком в жизни людей. Как отразилась пандемия на поведении россиян в отношении алкоголя? В этой работе мы показываем неоднозначное воздействие пандемии на выбор потребителя в терминах пить — не пить, а также на объемы потребления среди пьющих.

Пандемия COVID-19 и потребление алкоголя: обзор литературы

Как показали исследования, проведенные до пандемии, взаимосвязь экономических или социальных кризисов и потребления алкоголя объясняется двумя основными факторами: это эффект дохода и психологический стресс. С одной стороны, безработица, падение заработков и доходов могут приводить к сокращению частоты и/или объемов потребления алкоголя, который в экономических терминах трактуется как нормальное благо. Одновременно рост эмоционального беспокойства и тревоги из-за нестабильной экономической ситуации и неопределенности может стать причиной роста потребления алкоголя, которое выступает как средство облегчения стресса [De Goeij et al., 2015].

Пандемия COVID-19 стала источником особенного социального кризиса, соединившего в себе как масштабную заболеваемость и небывалый для развитых стран уровень смертности, так и падение производства, занятости и заработков. Кроме того, государства предпринимали специфические и беспрецедентные меры — ограничения передвижения людей, режим самоизоляции, прекращение работы многих предприятий и образовательных учреждений. Таким образом, и эффект дохода, и — в особенности — эффект стресса могли существенно повлиять на потребление алкоголя.

Неудивительно, что уже в 2020 г. появились исследования влияния пандемии на поведение потребителей в отношении алкоголя. Одно из них, проведенное в европейских странах, показало, что потребление алкоголя в первые месяцы пандемии статистически значительно снизилось во всех странах, включая Россию, кроме Ирландии и Великобритании. Такой результат был главным образом обусловлен снижением частоты эпизодического употребления алкоголя в больших разовых количествах. Снижение потребления было менее заметным среди людей с низким и средним уровнем доходов и среди тех, кто испытывал стресс из-за пандемии [Kilian et al., 2021]. Систематический обзор 45 работ об изменениях, наблюдавшихся на ранних стадиях пандемии [Roberts et al., 2021], выделяет противоположные тенденции: 1) рост потребления спиртного в отдельных группах населения как результат психологического стресса и 2) сокращение потребления из-за финансовых ограничений. Авторы отмечают, что в результате самоизоляции у людей возни-

¹ Расчеты авторов на основе данных Росстата; под взрослым населением, в соответствии с подходом Всемирной организации здравоохранения, понимается население в возрасте 15 лет и старше.

кают депрессивные расстройства или растёт беспокойство, и это, в свою очередь, оказывается причиной роста потребления алкоголя. Большинство исследований, включенных в обзор, констатировали тенденцию к росту потребления алкоголя. Другая работа [Kim et al., 2020] также подтверждает, что психологический стресс усиливает риск рецидива среди людей, бросивших пить, и роста потребления алкоголя в целом, в то время как сокращение потребления может быть связано с ухудшением финансовых возможностей и закрытием точек общепита, продающих спиртное. Гипотеза о росте потребления алкогольной продукции в результате стресса в период пандемии рассматривалась и подтверждалась многими авторами [Sharma et al., 2022; Mojica-Perez et al., 2022]. В частности, в США особо отмечалось увеличение потребления спиртных напитков среди пожилых людей, подверженных тревоге и депрессии [Capasso et al., 2021], а в Австрии росло потребление среди тех, кто до этого страдал алкоголизмом: дополнительный фактор стресса становился риском рецидива [Yazdi et al., 2020].

Более поздние исследования детально изучали взаимосвязи изменений потребления спиртных напитков в период пандемии с социально-демографическими и поведенческими характеристиками индивидов. Так, в Бразилии среди факторов, способствующих росту потребления алкоголя, оказалось высшее образование [Schäfer et al., 2022]. В то же время гипотеза о том, что люди начинают больше пить, потеряв работу из-за пандемии, не подтвердилась ни в Израиле [Levy et al., 2021], ни в Великобритании [Green et al., 2022]. Наоборот, в Великобритании риск увеличения потребления алкоголя был выявлен для тех, кто был безработным уже продолжительное время до пандемии [Green et al., 2022].

Оценки влияния наличия детей в семье на уровень потребления алкоголя противоречивы. Во Франции отмечался рост объемов употребляемого алкоголя в ходе пандемии преимущественно среди тех, кто находился дома среди членов семьи [Villette et al., 2022]. Исследователи объясняют это тем, что из-за самоизоляции и закрытия детских садов и школ родителям приходилось одновременно следить за образованием детей, работать и выполнять обязанности по дому. В результате возникал психологический стресс и, как следствие, риск растущего потребления алкоголя. Однако исследование на данных Великобритании обнаружило обратную зависимость. Присутствие детей в домашнем хозяйстве рассматривается авторами как защитный механизм, предотвращающий рост потребления спиртных напитков, придающий смысл жизнедеятельности семьи во время самоизоляции [McAloney-Kocaman et al., 2022].

Многие исследователи отмечают поляризацию алкогольного поведения потребителей в период пандемии. Так, в США установлена статистически значимая связь между уровнем индивидуального потребления спиртного до и во время пандемии [Goodyear et al., 2022]: те, кто много пил раньше, увеличивали потребление, в отличие от непьющих или малоьющих. Исследования, проведенные в Норвегии весной и летом 2020 г., показали, что, хотя общий объем потребления алкоголя изменился в начале пандемии незначительно, увеличилась доля людей, злоупотребляющих алкоголем [Rossow et al., 2021].

В России исследования изменений потребительского поведения в отношении алкоголя в период пандемии пока немногочисленны. А. Немцов и Р. Гридин изучали потребление алкоголя в стране, основываясь на показателях продажи спирт-

ных напитков и запросов на покупку в интернете. Основываясь на трендах продаж, сложившихся в предшествующие пандемии годы, авторы пришли к выводу о росте потребления алкоголя, прежде всего за счет крепких напитков. Предположительно доминирующим фактором роста потребления крепкого алкоголя во время эпидемии коронавируса был стресс, несмотря на снижение покупательной способности населения, особенно во время второй волны эпидемии. Однако доказательств этой гипотезы не приводится — исследователи не располагают соответствующими данными [Немцов, Гридин, 2021].

А. Гиль и соавторы провели онлайн-опрос населения в первые месяцы пандемии и изучили различия в изменениях потребления алкоголя в разрезе социально-демографических групп. Оценки проведены на уровне парных корреляций. Была выявлена тенденция к поляризации: люди, изначально пьющие чаще и больше, увеличивали потребление, в то время как реже и меньше пьющие снижали потребление алкоголя. Негативные профессиональные и финансовые последствия пандемии и восприятие ситуации как стрессовой были связаны с более частым потреблением алкоголя, с увеличением типичного разового объема и с более частым эпизодическим потреблением алкоголя в больших разовых количествах [Гиль и др., 2021]. Изучая пользователей социальных сетей, А. Гиль и А. Демин обнаружили взаимосвязь увеличения как частоты, так и объемов потребления алкоголя среди мужчин и женщин с ограничениями в повседневной жизни, профессиональными и финансовыми проблемами [Гиль, Демин, 2021]. Другое исследование в этой целевой группе показало, что жители небольших населенных пунктов, испытывавшие негативные последствия пандемии в отношении профессиональной деятельности или финансового положения, были более склонны увеличивать потребление незарегистрированного алкоголя в первые месяцы пандемии [Gil, 2022]. Несмотря на выявленные зависимости, полученные результаты невозможно распространить за пределы исследуемых групп онлайн-респондентов и пользователей социальных сетей ввиду нерепрезентативности этих выборок.

В целом обзор показал, что влияние пандемии на поведение потребителей в отношении алкоголя разнонаправлено и может различаться в зависимости от тех или иных факторов. В этом исследовании мы проверяем гипотезу о том, что в России, как и в других странах, *потребление алкоголя изменялось в результате внешних шоков, связанных с пандемией: стресс увеличивал, а ухудшение экономической ситуации сокращало потребление*. В отличие от ранее опубликованных работ, выполненных на российских данных, мы используем результаты регулярных репрезентативных ежегодных опросов населения и методы регрессионного анализа, позволяющие контролировать одновременно многие факторы, воздействующие на потребление алкоголя.

Данные и описательные статистики

Исследование базируется на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)² за 2019—2021 гг. Это лонги-

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролина в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования: <http://www.hse.ru/rims> и <https://rims-hse.cpc.unc.edu>).

тюдное обследование населения, основанное на репрезентативной выборке и позволяющее проследить таким образом изменения во времени характеристик и поведения одних и тех же людей. Опросники РМЭЗ НИУ ВШЭ дают возможность подробно изучить социально-экономические и демографические характеристики респондента, а также оценить факт употребления алкоголя и объемы потребляемых спиртных напитков. Кроме того, есть возможность комбинировать микроданные РМЭЗ НИУ ВШЭ с официальными данными Росстата о ситуации в регионе проживания каждого респондента. В частности, далее мы оцениваем избыточную смертность как показатель остроты проявления пандемии в каждом из регионов проживания респондентов РМЭЗ, а также используем показатель безработицы по регионам как индикатор экономического неблагополучия³.

Базой для исследования выступает сбалансированная панель, состоящая из респондентов старше 16 лет в 2019 г., старше 17 в 2020 г. и старше 18 в 2021 г. В итоговую выборку вошли 7879 респондентов, среди которых 3188 мужчин и 4691 женщин (ежегодно). Число пьющих спиртные напитки хотя бы иногда постепенно сокращалось: в 2019 г. оно составило 4671, в 2020 г. — 4468, в 2021 г. — 4429 респондентов. В последний месяц перед опросом употребляли алкоголь в 2019 г. — 2853, в 2020 г. — 2625, в 2021 г. — 2550 человек.

Как показывают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, за три рассматриваемых года наблюдается постепенное снижение как доли респондентов, пьющих алкоголь хотя бы иногда, в процентах от всей выборки (см. табл. 1), так и доли употреблявших алкоголь в течение последнего месяца перед опросом среди тех, кто в принципе пьет (см. табл. 2). Названные тренды характерны для мужчин и для женщин и согласуются с результатами других исследований, проведенных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за годы пандемии [Рощина, 2023], однако количественно происходившие изменения были совсем незначительными.

Среди тех, кто употреблял алкоголь в последний месяц перед опросом, колебания средних объемов потребления (в перерасчете на чистый спирт в граммах за месяц) незначительны. Можно отметить рост среднего объема чистого этанола, потребляемого мужчинами, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с последующим снижением в 2021 г., в то время как для женщин наблюдается обратная динамика (см. табл. 2).

Таблица 1. Число и доля респондентов, употреблявших алкоголь хотя бы иногда, во всей выборке, по полу и годам (N, %)

Год	Мужчины		Женщины	
	N, чел.	%	N, чел.	%
2019	2086	65,43	2585	55,11
2020	2044	64,12	2424	51,67
2021	2039	63,96	2390	50,95

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

³ В 2019—2021 гг. в выборку РМЭЗ НИУ ВШЭ входили респонденты из 35 регионов РФ. Распределение численности респондентов по регионам см. в таблице 1 «Стратификация территории РФ» на сайте <https://www.hse.ru/rims/sample> (дата обращения: 30.01.2024).

Таблица 2. Число и доля респондентов, употреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, среди пьющих и средние значения объема потребления чистого этанола за последний месяц по полу и годам, (г/мес.)

Год	Мужчины			Женщины		
	Н, чел.	%	Среднее (г/мес.) (ст. откл.)	Н, чел.	%	Среднее (г/мес.) (ст. откл.)
2019	1438	68,94	519,89 (784,71)	1415	54,74	177,65 (571,19)
2020	1374	67,22	532,70 (883,97)	1251	51,61	174,70 (334,60)
2021	1347	66,06	526,82 (851,41)	1203	50,33	182,09 (294,08)

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Хотя доля пьющих во всей выборке и доля употреблявших алкоголь за последний месяц незначительно сокращались и среди мужчин, и среди женщин, параллельно происходили разнонаправленные изменения долей мужчин и женщин, чрезмерно употреблявших спиртное. Согласно методике, утвержденной Приказом № 181 Федеральной службы государственной статистики от 29 марта 2019 г., умеренным считается потребление не более 168 грамм чистого спирта в неделю для мужчин и не более 84 грамм — для женщин⁴. Таким образом, мужчины, злоупотребляющие алкоголем, выпивают более 672 грамм в месяц, женщины — более 336 грамм в месяц. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ показывают, что среди пьющих мужчин доля злоупотребляющих алкоголем в два раза больше, чем среди пьющих женщин. Однако за годы пандемии наблюдались незначительный рост доли злоупотребляющих алкоголем женщин и небольшое уменьшение аналогичной доли среди мужчин (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение мужчин и женщин по уровням потребления алкоголя среди потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом (в %)

Уровень потребления алкоголя	Мужчины			Женщины		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Чрезмерно потребляли	21,63	21,32	20,19	10,74	11,19	12,97
Умеренно потребляли	78,37	78,68	79,81	89,26	88,81	87,03

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Расчеты также показывают некоторое снижение среди пьющих респондентов доли малопьющих (меньше 100 грамм чистого этанола в месяц) в 2021 г. по срав-

⁴ Методика расчета показателя «Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни (процент)». Приложение к Приказу Росстата от 29 марта 2019 г. № 181. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MET_020013.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

нению с 2019 г., на 4,75 п. п. Особенно этот тренд очевиден для женщин. При этом доля мужчин и женщин, пьющих много (больше 1000 грамм чистого этанола в месяц), практически не менялась, что согласуется с результатами исследований, выполненных на других данных: потребительские привычки в отношении алкоголя, сформированные до пандемии, во многом определяют и поведение в «ковидные» годы [Гиль и др., 2021].

На потребление алкоголя, как правило, оказывает влияние возраст. В рассматриваемой выборке среди респондентов младшей и средней возрастных групп (моложе 30 лет и 31—45 лет, соответственно) наблюдались снижение среднего объема потребления чистого этанола в 2020 г. и его возвращение на уровень до пандемии в 2021 г. В старших возрастных группах (старше 46 лет) прослеживается обратная динамика с ростом объема потребления в 2020 г. и некоторым снижением в 2021 г., хотя к «доковидным» значениям потребление не возвращается. Незначительно, но монотонно меняется и структура часто пьющих по возрастам — доля молодых среди всех, потребляющих алкоголь в последний месяц, постепенно снижается, а доля самых старших — растет (см. табл. 4).

Таблица 4. Число и доля респондентов, употреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом и среднее значение объема потребления чистого этанола в месяц по возрастным группам

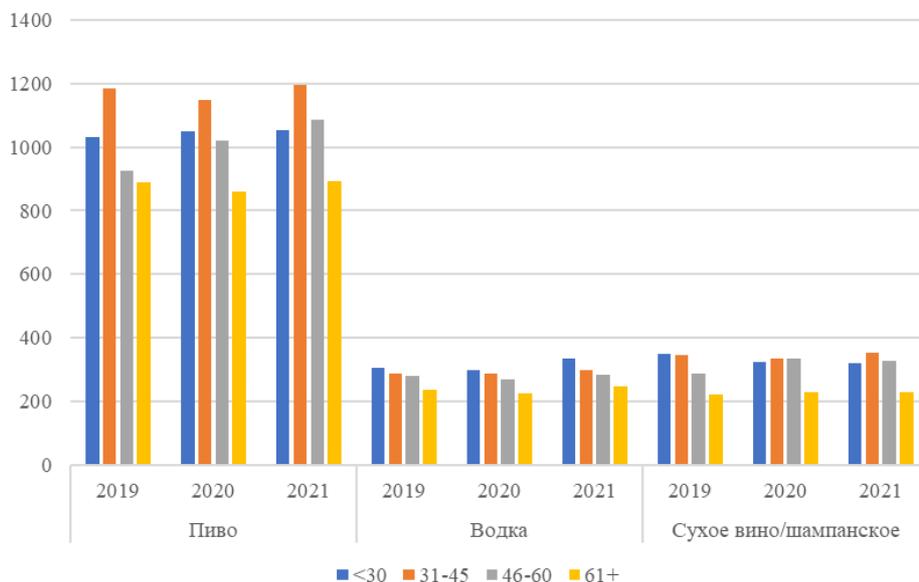
Возраст, лет	N, чел.			Доля среди употреблявших алкоголь хотя бы иногда, %			Среднее (г/мес.) (ст. откл.)		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
<30	355	309	286	12,4	11,8	11,2	272,15 (399,86)	244,25 (332,40)	271,18 (538,41)
31—45	969	888	837	34,0	33,8	32,8	372,82 (775,89)	353,45 (573,62)	378,97 (602,60)
46—60	867	810	776	30,4	30,9	30,5	375,94 (663,15)	415,56 (827,87)	391,13 (666,16)
61+	662	618	651	23,2	23,5	25,5	325,01 (783,64)	363,35 (814,87)	353,93 (805,55)

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Анализ динамики потребления наиболее популярных алкогольных напитков в разных возрастных группах показал рост потребления водки среди респондентов младше 45 лет (на 3,9% для группы 31—45; на 9,3% для группы младше 30 лет); для старших возрастных групп (>46 лет) наблюдается незначительное снижение потребления водки в 2020 г. с возвращением на уровень 2019 года в 2021 г (снижение на 3,5%). Рост потребления пива за рассматриваемый период можно отметить среди респондентов младше 30 лет и в возрастной группе 46—60 лет (на 1,9% и 17,4%, соответственно). Потребление сухого вина и шам-

панского было относительно стабильным для всех возрастных групп, за исключением 46—60-летних, увеличивших объемы потребления этих напитков в 2020 г. (на 17,01 %) (см. рис. 1).

Рис. 1. Среднее значение объема потребления отдельных алкогольных напитков по возрастным группам (г/мес., без перерасчета на чистый этанол), по годам среди респондентов, употреблявших алкогольные напитки в последний месяц перед опросом⁵

Сокращение доли респондентов, потребляющих алкоголь хотя бы иногда, является не только для всей выборки, а также для мужчин и женщин по отдельности, но и для жителей всех типов населенных пунктов — в среднем на 3—4 п. п. за два года. Проведенные расчеты демонстрируют снижение доли пьющих в 2020 и 2021 гг. по сравнению с 2019 г. (см. табл. 5).

Таблица 5. Число и доля респондентов, потребляющих алкоголь хотя бы иногда, в зависимости от местожительства, по годам

Место жительства	N, чел.			%		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Москва и Санкт-Петербург	635	589	588	73,07	67,78	67,66
Областной центр (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	1555	1522	1501	65,72	64,33	63,44
Город (кроме областных центров)	1211	1149	1143	61,91	58,74	58,62
Село и ПГТ	1270	1208	1197	47,25	44,94	44,43

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

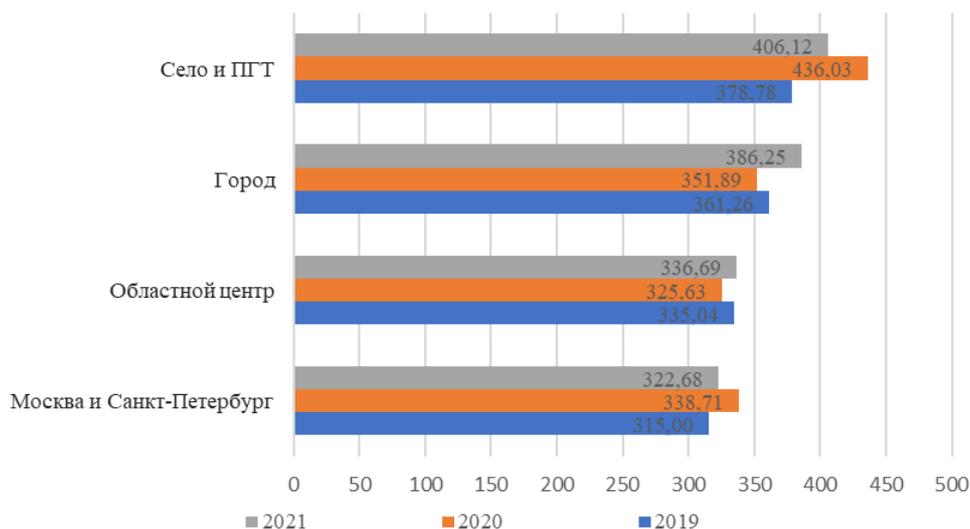
⁵ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Таблица 6. Доля респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, среди пьющих хотя бы иногда, в зависимости от местожительства, по полу и годам (%)

Место жительства	Мужчины			Женщины		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Москва и Санкт-Петербург	70,98	73,68	77,33	62,63	61,40	65,69
Областной центр (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	69,54	68,80	68,27	52,85	49,15	46,19
Город (кроме областных центров)	74,76	71,23	69,53	58,68	51,47	52,30
Село и ПГТ	62,25	59,22	55,82	48,65	49,59	45,20

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

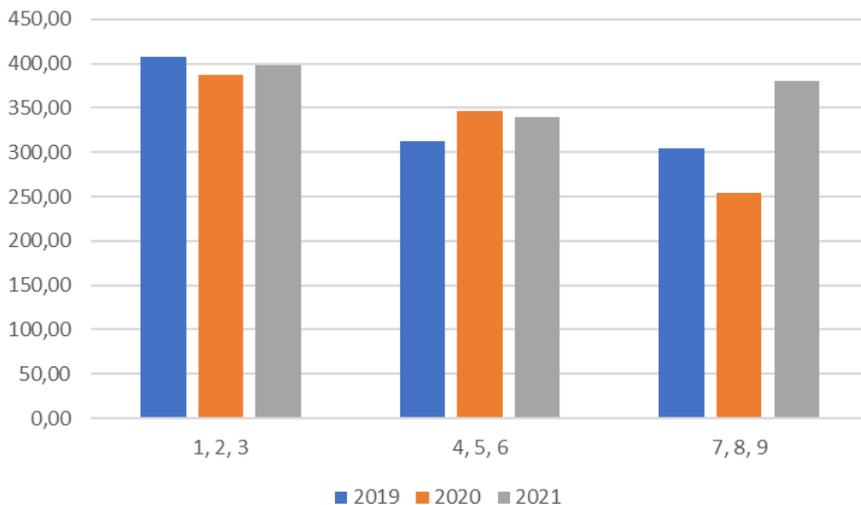
Чаще потребляют алкоголь жители столиц, а реже — сельские жители (см. табл. 6). Что же касается объемов потребления в зависимости от места жительства, то можно отметить неоднородную динамику среди жителей разных типов населенных пунктов. В селах и ПГТ увеличилось подушевое потребление алкоголя в начале пандемии — на 7,4% в 2020 г. по сравнению с 2019 г., с последующим снижением в 2021 г. Рост объема подушевого потребления в 2020 г. наблюдается также в Москве и Санкт-Петербурге — на 4,9%. В других городах и областных центрах в начале пандемии коронавирусной инфекции объем потребления снизился, но в 2021 г. практически вернулся на прежний уровень (см. рис. 2).

Рис. 2. Среднее значение объема потребления чистого этанола (г/мес.) среди респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, в зависимости от местожительства и года⁶

⁶ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Пандемия COVID-19 сопровождалась ухудшением материального положения для многих людей, что могло изменить потребительское поведение в отношении алкоголя. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют оценить изменение объема потребляемого алкоголя с учетом получаемого дохода. На рисунке 3 представлена зависимость объема чистого этанола, потребляемого в месяц, от позиции респондента на лестнице доходов, состоящей из 9 ступеней (индивиды были объединены по ступеням дохода в три группы: 1—3 — доход ниже среднего, 4—6 — средний доход, 7—9 — доход выше среднего). В группе респондентов, определяющих свой доход как средний, наблюдается увеличение потребления алкоголя в период пандемии. Среди тех, кто считает свой доход низким, заметно небольшое сокращение потребления в 2020 г. с возвращением примерно на прежний уровень в 2021 г. Среди респондентов, высоко оценивающих свои доходы, наблюдается сокращение потребления в 2020 г. и далее его существенный рост в 2021 г. (см. рис. 3).

Рис. 3. Среднее значение объема потребления чистого этанола (г/мес.) среди респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, в зависимости от положения на лестнице доходов и года⁷

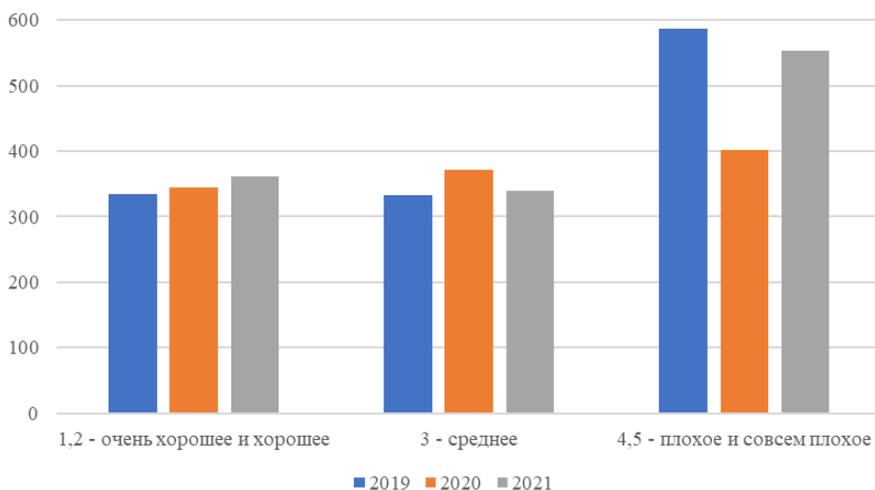

Здоровье населения подвергалось значительному риску в период пандемии коронавирусной инфекции. Изменение самочувствия могло существенно повлиять на уровень потребления алкоголя. Чтобы проверить эту связь, мы использовали ответы на вопрос о самооценке здоровья респондента. Для анализа респонденты были объединены в три группы: оценившие свое здоровье как хорошее и очень хорошее, как среднее и как плохое или как совсем плохое. Рисунок 4 демонстрирует увеличение потребления алкоголя в группе респондентов, назвавших свое здоровье очень хорошим и хорошим. Среди респондентов, оценивших свое здоровье как плохое и совсем плохое, уровень потребления алкоголя в целом суще-

⁷ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

ственно выше, чем в других группах. Однако в 2020 г. он значительно снизился, а в 2021 г. снова возрос.

Рис. 4. Среднее значение (М) объема потребления чистого этанола (г/мес.) среди респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, в зависимости от самооценки здоровья, по годам⁸

Дескриптивный анализ данных показывает в целом разнонаправленную динамику потребления алкоголя в разных группах населения. Общий тренд сокращения доли людей, потребляющих алкоголь хотя бы изредка, наблюдается как для всей выборки, так и для отдельных групп — гендерных, возрастных, жителей населенных пунктов разных типов. Однако доли пьющих в последний месяц перед опросом, как и объемы потребления чистого этанола и отдельных спиртных напитков, не показывают сколько-нибудь отчетливой единообразной динамики в годы пандемии в сравнении с 2019 г. На уровне дескриптивного анализа практически все выявленные изменения — как в долях пьющих, так и в объемах потребления отдельных напитков, в том числе по различным группам населения, — оказываются статистически незначимыми (значимость различий проверялась с помощью t-тестов и z-тестов). Поэтому, чтобы ответить на вопрос о влиянии пандемии на потребление алкоголя, необходим более детальный многофакторный регрессионный анализ.

Регрессионный анализ

Чтобы выделить влияние отдельных факторов на изменение потребления алкоголя в 2020 и 2021 гг., мы использовали эконометрические модели. Строились последовательно: пробит-модель, отражающая вероятность потребления алкоголя, и линейная регрессия, показывающая, какой объем алкоголя (в пересчете на чистый спирт) потребляют респонденты. Модели оценивались по отдельности для

⁸ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

мужчин и для женщин на подвыборках для каждого года, с 2019 по 2021 г. (все-го оценено 12 моделей). Благодаря этому мы можем увидеть различия в коэффициентах при одних и тех же переменных как в гендерном разрезе, так и по годам.

В процессе построения моделей из выборки для каждого года были удалены пропущенные и цензурированные значения переменных («нет ответа», «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа»), что определило разное число наблюдений для оценки кросс-секционных регрессий в разные годы.

Помимо данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2019—2021 гг., использовались официальные данные Росстата об уровне безработицы, номинальных ценах водки и средней номинальной заработной плате в регионах проживания респондентов РМЭЗ НИУ ВШЭ в ноябре 2019, 2020 и 2021 гг.⁹

В качестве зависимых переменных выступали:

drink = бинарная переменная [1 — пьет хотя бы иногда, 0 — не пьет];

ln(alc_{ohol}) = непрерывная переменная, натуральный логарифм суммарного индивидуального объема потребления алкоголя в граммах за месяц в пересчете на чистый спирт. Объем потребляемого чистого спирта рассчитывался на основе ответов респондентов о потреблении различных спиртных напитков за последнюю неделю перед опросом, объемы которых переводились в чистый спирт, исходя из крепости (водка — 40 %, коньяк — 40 %, виски — 40 %, самогон — 45 %, вина крепленые — 20 %, вина сухие и игристые — 12 %, брага — 11 %, алкогольные коктейли — 10 %, пиво — 5 %).

Независимые переменные:

age = число полных лет респондента на момент опроса;

agesq = квадрат числа полных лет респондента;

gender = бинарная переменная, пол индивида [1 — мужчина, 0 — женщина].

Категориальные переменные были перекодированы с помощью создания бинарной переменной для каждой категории с выбором одной из них в качестве базовой:

place = категориальная переменная, место жительства индивида, село было выбрано за базу [1 — село, 2 — поселок городского типа, 3 — город (не областной центр), 4 — областной центр (не Москва и Санкт-Петербург), 5 — Москва и Санкт-Петербург];

edu = категориальная переменная, образование индивида, минимальный уровень — 0—6 классов выбрано за базу [1—0—6 классов, 2 — незаконченное среднее образование 7—8 классов плюс что-то еще, 3 — законченное среднее общее образование, 4 — законченное среднее специальное образование, 5 — законченное высшее образование и выше];

marst = бинарная переменная, семейное положение индивида [1 — состоит в браке (зарегистрированном или нет), 0 — не состоит в браке];

work = бинарная переменная, наличие работы у респондента; имеет работу, если выбраны ответы: сейчас работает; находится в декретном, оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске. [1 — есть работа, 0 — нет работы];

kids = число детей младше 18-ти лет у респондента;

⁹ Официальная статистика // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 20.10.2023).

income = категориальная переменная, положение индивида на лестнице доходов, 1 — самые бедные — было выбрано за базу [от 1 — самые бедные до 8 (объединены с 9-й ступенью) — самые богатые];

health = категориальная переменная, самооценка индивидом здоровья, совсем плохое и плохое здоровье было выбрано за базу [1 — совсем плохое и плохое здоровье, 2 — среднее, 3 — хорошее и очень хорошее];

smoke = бинарная переменная, статус курильщика на момент опроса [1 — курит, 0 — не курит];

unemployment_rate = уровень безработицы — доля безработного населения в составе рабочей силы (в %, за ноябрь соответствующего года) в регионе проживания респондента. Добавлена в качестве показателя экономического неблагополучия региона во время пандемии.

norm_price = средняя номинальная цена 1 л водки в регионе проживания респондента, нормированная на среднюю зарплату в регионе за ноябрь¹⁰ соответствующего года.

excess_mortality = превышение фактического уровня смертности в регионе проживания респондента над ожидаемым (человек, на 100 тыс. населения региона, за ноябрь соответствующего года). Показатель был рассчитан для 2020 и 2021 гг. для каждого из регионов проживания респондентов РМЭЗ НИУ ВШЭ: сначала была рассчитана фактическая средняя смертность на 100 тыс. человек населения региона за ноябрь 2017, 2018 и 2019 гг.; далее из относительной смертности за ноябрь (2020 и 2021 гг. соответственно) было вычтено среднее значение относительной смертности за ноябрь 2017—2019 гг. в том же регионе.

Таким образом, при построении регрессионных моделей мы оцениваем возможное влияние на вероятность и объемы потребляемого алкоголя не только «стандартных» показателей, таких как социально-демографические характеристики респондентов, их местожительства и реальные цены на алкоголь в регионе, но также и факторов, связанных с пандемией. Это безработица, отражающая экономическое неблагополучие, и избыточная смертность, которая используется демографами в качестве показателя реального уровня заболеваемости и смертности от COVID-19 [Leon et al., 2020].

Пробит-модель

Оценка вероятностей потребления респондентами алкогольных напитков (потребление «хотя бы иногда») проведена с использованием пробит-регрессии следующего вида:

$$P(\text{drink}) = f(\beta_0 + \beta_1 \text{age} + \beta_2 \text{agesq} + \beta_3 \text{marst} + \beta_4 \text{work} + \beta_5 \text{kids} + \beta_6 \text{smoke} + \beta_7 \text{place} + \beta_8 \text{edu} + \beta_9 \text{income} + \beta_{10} \text{health} + \beta_{11} \text{unemployment_rate} + \beta_{12} \text{norm_price} + \beta_{13} \text{excess_mortality} + \varepsilon_i)$$

Для интерпретации коэффициентов пробит-моделей были рассчитаны средние предельные эффекты.

Линейная модель

Для оценки объема алкоголя, потребляемого индивидами, в зависимости от социально-экономических характеристик была использована линейная регрессия следующего вида:

¹⁰ Опрос респондентов в рамках РМЭЗ НИУ ВШЭ проводится в основном в ноябре.

$$\ln(\text{alcohol}) = \beta_0 + \beta_1 \text{age} + \beta_2 \text{agesq} + \beta\beta_3 \text{marst} + \beta_4 \text{work} + \beta_5 \text{kids} + \beta_6 \text{smoke} + \beta_7 \text{place} + \beta_8 \text{edu} + \beta_9 \text{income} + \beta_{10} \text{health} + \beta_{11} \text{unemployment_rate} + \beta_{12} \text{norm_price} + \beta_{13} \text{excess_mortality} + \varepsilon_i$$

Для борьбы со смещенностью выборки у респондентов, не потреблявших алкоголь вовсе или не пивших в последний месяц перед опросом (со значением переменной $\text{alcohol} = 0$), значение переменной alcohol было заменено на единицу, с тем чтобы после логарифмирования зависимая переменная принимала нулевое значение.

Все регрессии оценивались отдельно для мужчин и женщин, так как существует гендерная дифференциация в потреблении алкоголя. Для проверки были проведены тесты, результаты которых подтвердили необходимость оценки двух отдельных моделей.

В оценки всех моделей за 2019 г. переменная избыточной смертности не включалась, так как в этом году продолжался сложившийся ранее тренд на снижение смертности.

Для повышения качества подгонки при оценке всех моделей были выявлены и отфильтрованы выбросы (наблюдения, которые плохо предсказываются моделью) с помощью построения диаграммы влияния. Для предупреждения проблемы гетероскедастичности были использованы робастные ошибки Уайта.

Все оценки проводились с использованием статистического программного обеспечения R (версия 4.2.1; R Core Team 2022).

Полные результаты эконометрических оценок представлены в приложении — это средние предельные эффекты пробит-моделей, оцененных для мужчин и женщин на выборках за 2019, 2020 и 2021 гг. (см. табл. 1 приложения) и коэффициенты линейных моделей для мужчин и женщин на выборках за 2019, 2020 и 2021 гг. (см. табл. 2 приложения).

Результаты моделирования

Оценки средних предельных эффектов для пробит-моделей показывают, что вероятность потребления алкоголя во все рассматриваемые годы положительно связана со статусом занятого и наличием семьи, а также со статусом курильщика (как у мужчин, так и у женщин) и с хорошим здоровьем. Во все годы городские мужчины и женщины чаще потребляют спиртное в сравнении с жителями села. В 2021 г. вероятность потребления алкоголя становится значимо ниже (на 10 %) для жителей ПГТ по сравнению с жителями сел, чего не наблюдалось в предыдущие годы. В 2019 г. образование более высокого уровня по сравнению с базовым (до 6 класса) не было значимым фактором, связанным с вероятностью потребления алкоголя. Но в годы пандемии — 2020—2021 гг. — вероятность потребления оказывается положительно связанной с более высоким образованием женщин и отрицательно — с более высоким образованием мужчин (в сравнении с базовым). У женщин, имеющих образование более высоких ступеней, вероятность потреблять алкоголь хотя бы иногда возрастает на 20—30 %, у мужчин, напротив, снижается на 10 %. Фактор дохода статистически не связан с вероятностью потребления алкоголя в 2019—2020 гг., однако в 2021 г. между ними появляется отчетливая положительная связь и у мужчин, и у женщин. Все респонденты, которые помещают себя на лестнице доходов

со второй по седьмую ступени, пьют алкоголь значительно чаще (на 10—20%), чем те, кто находится на первой ступени (самые бедные). Реальные цены на водку сокращают вероятность потребления алкоголя во все рассматриваемые годы, что соответствует результатам предыдущих исследований [Yakovlev, 2018].

Оцененные коэффициенты линейных регрессионных моделей говорят о положительном влиянии возраста на объемы потребляемого алкоголя и о позитивной связи объемов потребления со статусом занятого (2019—2020 гг. для всех респондентов, в 2021 г. — только для женщин) и статусом курильщика. В 2021 г. наличие детей значительно снижает объемы потребления у женщин. Объемы потребления алкоголя, так же, как и его вероятность, выше в городах и областных центрах в сравнении с селами. В 2021 г. объемы потребления и у мужчин, и у женщин становятся ниже в ПГТ в сравнении с селами. И наоборот, значимый фактор растущего потребления в 2021 г. — проживание в столице, но только у мужчин. И у мужчин, и у женщин значимым фактором, увеличивающим объем потребления, в 2021 г. становится более высокий доход в сравнении с первой ступенью «доходной лестницы». Во все рассматриваемые годы средний уровень здоровья в сравнении с плохим здоровьем ассоциируется с более высокими объемами потребления спиртного — и у мужчин, и у женщин. Самооценка здоровья как хорошего и очень хорошего, в принципе более характерна для мужчин, также положительно связана у них с объемами потребления алкоголя. Для женщин такая связь наблюдалась только в 2019 г. Реальные цены на водку снижают объемы потребления и для мужчин, и для женщин.

Наоборот, избыточная смертность в регионе проживания респондентов в 2020—2021 гг. увеличивает объемы алкоголя, потребляемые и женщинами, и мужчинами. Безработица, которая сокращала объемы потребления среди мужчин в 2019 г., в 2020 г. стала незначимой переменной в моделях и для мужчин, и для женщин, а в 2021 г. стала положительно ассоциироваться с объемами алкоголя, потребляемого женщинами (см. табл. 7). С ростом уровня безработицы в регионе на 1% вероятность потребления алкоголя снижалась на 2% у женщин и на 3% у мужчин в 2020 г., на 2% у мужчин в 2021 г. В 2020 и 2021 гг. объемы потребления чистого этанола среди пьющих респондентов увеличивались на 1—2% с ростом избыточной смертности в регионе на единицу (то есть на 1 человека в расчете на 100 тыс. жителей) — это верно и для мужчин, и для женщин (см. табл. 1 и 2 приложения).

Таблица 7. **Результаты эконометрического анализа: значимость и направленность связи индикаторов пандемии и потребления алкоголя (+/– — положительная/отрицательная связь)**

	Вероятность потребления			Объемы потребления		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Избыточная смертность		Незначима	Значима + Мужчины и женщины		Значима + Мужчины и женщины	Значима + Мужчины и женщины
Безработица	Значима – Мужчины и женщины	Значима – Мужчины и женщины	Значима – Мужчины	Значима – Мужчины	Незначима	Значима + Женщины

Заключение

Проведенное исследование показало, что в годы пандемии продолжалось постепенное сокращение доли россиян, пьющих спиртные напитки хотя бы иногда. Такой позитивный тренд в принципе характерен для России: сегодня потребляют алкоголь менее 60% взрослого населения, тогда как в начале 1990-х годов этот показатель был около 80%. Эта тенденция прослеживается как для отдельных демографических групп, так и для жителей населенных пунктов разных типов. В 2020—2021 гг. многие факторы, увеличивающие потребление алкоголя, сохраняли свою значимость — это мужской пол и возраст, самооценка здоровья как среднего и хорошего, проживание в городе, трудовая занятость, курение. Кроме того, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдалась отрицательная связь вероятности и масштабов потребления чистого этанола и реальных цен на водку. Все названные факторы и ранее неоднократно отмечались как корреляты спроса на алкоголь [Рощина, Богданов, 2018].

Однако, как оказалось, в годы до и во время пандемии отдельные факторы, связанные с потреблением алкоголя, имели неодинаковую значимость. Так, в 2020—2021 гг. женщины с относительно высоким уровнем образования (в сравнении с имеющими 0—6 классов образования) с большей вероятностью пили спиртное, в этот же период мужчины с образованием выше 6 классов, наоборот, пили реже менее образованных. В 2019 г. таких связей не обнаружено. 2021 г. меняет поведение потребителей, живущих в поселениях разного типа: значительно сокращаются вероятность и объемы потребления алкоголя жителями ПГТ и наоборот, растет потребление жителей городов и областных центров в сравнении с жителями сел. В этом же году для женщин становится значимым фактор наличия детей: те, у кого есть дети, пьют меньше, чем бездетные. И женщины, и мужчины в 2021 г. пьют чаще и больше с ростом доходов. Мы наблюдаем, таким образом, неоднородные тенденции и определенную поляризацию потребления алкоголя, особенно на втором году пандемии.

В этом исследовании нас интересовали прежде всего непосредственные индикаторы пандемии, различавшиеся по регионам проживания респондентов. Это избыточная смертность — прокси-переменная уровня заболеваемости и смертности от COVID-19, а также переменная безработицы. Рост заболеваемости и смертности увеличивает стресс, тогда как безработица — показатель экономического неблагополучия в регионе. Как и ожидалось, оба индикатора статистически значимо связаны с вероятностью и/или объемами потребляемого алкоголя (см. табл. 7 и приложение).

В 2021 г. вероятность потребления спиртных напитков выше в тех регионах, где уровни смертности особенно высоки. И в 2020, и в 2021 г. в таких регионах больше и объемы выпитого в расчете на одного потребителя. Это верно при прочих равных условиях, а значит, стресс, вызванный пандемией, способствует росту потребления алкоголя. Этот результат согласуется с выводами многих работ, выполненных на данных других стран [Roberts et al., 2021; Sharma et al., 2022; Mojica-Perez et al., 2022], а также российских исследований, называющих стресс причиной роста потребления алкоголя [Немцов, Гридин, 2021; Гиль и др., 2021].

Связь безработицы и поведения потребителей в отношении алкоголя оказалась не столь однозначной. Вероятность потребления спиртного значимо отрицатель-

но коррелирует с безработицей и у мужчин, и у женщин в 2019—2020 гг. и у мужчин в 2021 г. Такой результат вполне соответствует выводам зарубежных исследований, доказывающих, что кризис в экономике снижает распространенность вредных привычек [Rhum, Black, 2002; Toffolutti, Suhrcke, 2014; Ásgeirsdóttir et al., 2016]. Однако значимая отрицательная корреляция объемов выпитого с безработицей обнаружена только для мужчин в 2019 г., в 2020 г. связь становится незначимой, а в 2021 г. для женщин отмечается положительная корреляция. Возможно, такой результат объясняется тем, что в 2020 г. правительство инициировало беспрецедентные меры материальной поддержки населения, в частности увеличение в полтора раза максимального уровня пособия по безработице, которое действовало до конца 2021 г.¹¹ Безработица, таким образом, не влияла столь существенно на ухудшение материального положения населения, как это могло бы быть в отсутствие государственной поддержки.

Гипотеза исследования в целом подтвердилась: изменения в потреблении алкоголя российским населением в 2020—2021 гг. были обусловлены разнонаправленными факторами — стрессом и ухудшением экономического положения. Потребление алкоголя находится под влиянием целого ряда факторов как микро-, так и макроуровня, и пандемия COVID-19 внесла свой вклад в общую динамику.

Среди ограничений проведенного анализа нужно отметить невозможность выделить потребление незарегистрированного алкоголя и, соответственно, его роль в итоговых показателях потребления. С помощью данных РМЭЗ НИУ ВШЭ можно оценить только частоту и объемы потребления самогона, а это лишь небольшая часть всего незарегистрированного алкоголя. Для изучения вклада незарегистрированного алкоголя в годы пандемии требуются специальные исследования с привлечением других данных.

Список литературы (References)

Гиль А. Ю., Вышинский К. В., Фадеева Е. В., Хальфин Р. А. Изменения особенностей потребления алкоголя в Российской Федерации в первые месяцы пандемии COVID-19 // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2021. № 5—6. С. 63—73. <http://doi.org/10.26347/1607-2502202105-06063-073>.

Gil A. U., Vyshynsky K. V., Fadeeva E. V., Khalfin R. A. (2021) Changes in Alcohol Consumption in the Russian Federation during the First Months of the Covid-19 Pandemic. *Health Care Standardization Problems*. No. 5—6. P. 63—73. <http://doi.org/10.26347/1607-2502202105-06063-073>. (In Russ.)

Гиль А. Ю., Демин А. К. Факторы, взаимосвязанные с ростом потребления алкоголя в первые месяцы пандемии COVID 19 среди пользователей социальных онлайн сетей в России // Вестник РГМУ. 2021. № 6. С. 127—39. <http://doi.org/10.24075/vrgmu.2021.064>.

Gil A. U., Demin A. K. (2021) Factors Associated with Increase in Alcohol Consumption during First Months of Covid-19 Pandemic Among Online Social Media Users in Rus-

¹¹ Увеличение максимального пособия по безработице // Правительство России. URL: http://government.ru/support_measures/measure/19 (дата обращения: 30.01.2024).

sia. *Bulletin of RSMU*. No. 6. P. 127—39. <http://doi.org/10.24075/vrgmu.2021.064>. (In Russ.)

Немцов А. В., Гридин Р. В. Потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России // *Общественное здоровье*. 2021. Т. 1. № 2. С. 28—47. <http://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49>

Nemtsov A. V., Gridin R. V. (2021) Alcohol Consumption during the Coronavirus Epidemic in Russia. *Public Health*. Vol. 1. No. 2. P. 28—47. <http://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49>. (In Russ.)

Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980—2010-е годы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>.

Radaev V. V. (2022) Alcohol Cycles: Trends in the Alcohol Consumption in the Soviet and Post-Soviet Russia, 1980—2010. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>. (In Russ.)

Рощина Я. М., Богданов М. Б. Что влияет на потребление алкоголя и табака: обзор экономических, социологических концепций и эмпирических результатов // *Экономическая социология*. 2018. Т. 19. № 4. С. 134—171. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-134-171>.

Roshchina Y. M., Bogdanov M. B. (2018) What Influences Alcohol and Tobacco Consumption: Review of Economic and Sociological Concepts and Empirical Results. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 134—171. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-134-171>. (In Russ.)

Рощина Я. М. Образ жизни россиян разного возраста во время второго года пандемии. // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)*. Вып. 13: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2023. С. 94—124. — URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik13>.

Roshchina Y. M. (2023) Lifestyle of Russians of Different Ages during the Second Year of the Pandemic. *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey of the NRU HSE (RM EZ NIU VShE)*. Vol. 13. P. 94—124. (In Russ.) <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik13>.

Ásgeirsdóttir T., Corman H., Noonan, K., Reichman, N.E. (2016) Lifecycle Effects of a Recession on Health Behaviors: Boom, Bust, and Recovery in Iceland. *Economics & Human Biology*. Vol. 20. P. 90—107. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2015.11.001>.

Becker G. S., Grossman M., Murphy K. M. (1994) An Empirical Analysis of Cigarette Addiction. *The American Economic Review*. Vol. 84. No.3. P. 396—418. <https://doi.org/10.7312/gros17812-025>.

Becker G. S., Murphy K. M. (1988) A Theory of Rational Addiction. *Journal of Political Economy*. Vol. 96. No. 4. P. 675—700. <https://doi.org/10.1086/261558>.

Capasso A., Jones A. M., Ali S. H., Foreman J., Tozan Y., DiClemente R. J. (2021) Increased Alcohol Use during the COVID-19 Pandemic: The Effect of Mental Health and Age in a Cross-sectional Sample of Social Media Users in the U.S. *Preventive Medicine*. Vol. 145. Art. 106422. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106422>.

De Goeij M. C., Suhrcke M., Toffolutti V., van de Mheen D., Schoenmakers T. M., Kunst A. E. (2015) How Economic Crises Affect Alcohol Consumption and Alcohol-related Health Problems: A Realist Systematic Review. *Social Science & Medicine*. Vol. 131. P. 131—146. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.02.025>.

Gil A. (2022) Unrecorded Alcohol Consumption During First Months of COVID-19 Pandemic Among Online Social Media Users in Russia. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 76. Art. A79. <https://doi.org/10.1136/jech-2022-SSMabstracts.165>.

Goodyear K., Moyo P., Avila J. C., Ahluwalia J. S., Monnig M. A. (2022) Associations Between Alcohol and Cannabis Use before and during the COVID-19 Pandemic: Results of a Community Survey. *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 16. Art. 100455. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2022.100455>.

Green M. J., Maddock J., Di Gessa G. et al. (2022) The UK Coronavirus Job Retention Scheme and Smoking, Alcohol Consumption and Vaping during the COVID-19 Pandemic: Evidence from Eight Longitudinal Population Surveys. *BMC Medicine*. Vol. 20. No. 1. P. 1—12. <https://doi.org/10.1186/s12916-022-02511-0>.

Kilian, C., Rehm, J., Allebeck, P., Braddick, F., Gual, A., Barták, M., Bloomfield, K., Gil, A., Neufeld, M., O'Donnell, A., Petruželka, B., Rogalewicz, V., Schulte, B., Manthey, J., European Study Group on Alcohol Use and COVID-19 (2021) Alcohol Consumption during the COVID-19 Pandemic in Europe: A Large-scale Cross-sectional Study in 21 Countries. *Addiction*. Vol. 116. No. 12. P. 3369—3380. <https://doi.org/10.1111/add.15530>.

Kim J. U., Majid A., Judge R., Crook P., Nathwani R., Selvapatt N., Lovendoski J., Manousou P., Thursz M., Dhar A., Lewis H., Vergis N., Lemoine M. (2020) Effect of COVID-19 Lockdown on Alcohol Consumption in Patients with Pre-existing Alcohol Use Disorder. *The Lancet. Gastroenterology & Hepatology*. Vol. 5. No. 10. P. 886—887. [https://doi.org/10.1016/s2468-1253\(20\)30251-x](https://doi.org/10.1016/s2468-1253(20)30251-x).

Kueng L., Yakovlev E. (2021) The Long-Run Effects of a Public Policy on Alcohol Tastes and Mortality. *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 13. No. 1. P. 294—328. <https://doi.org/10.1257/pol.20180439>.

Leon D. A., Shkolnikov V. M., Smeeth L., Magnus P., Pechholdová M., Jarvis Ch. I. (2020) COVID-19: A Need for Real-time Monitoring of Weekly Excess Deaths. *The Lancet*. Vol. 395. No. 10234. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30933-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8).

Levy I., Cohen-Louck K., Bonny-Noach H. (2021) Gender, Employment, and Continuous Pandemic as Predictors of Alcohol and Drug Consumption during the COVID-19. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 228. Art. 109029. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.109029>.

McAloney-Kocaman K., McPherson K.E., McGlinchey E., Armour C. (2022) Factors Associated with Changing Alcohol Consumption during the First UK Lockdown. *European Journal of Public Health*. Vol. 32. No. 5. P. 766—772. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac124>.

Mojica-Perez Y., Livingston M., Pennay A., Callinan S. (2022) Examining the Relationship Between Alcohol Consumption, Psychological Distress and COVID-19 Related Circumstances: An Australian Longitudinal Study in the First Year of the Pandemic. *Addictive Behaviors*. Vol. 135. Art. 107439. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2022.107439>.

Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. (2020) The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 3. P. 323—335. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agua017>.

Rhum C.J., Black W.E. (2002) Does Drinking Really Decrease in Bad Times? *Journal of Health Economics*. Vol. 21. No. 4. P. 659—678. [https://doi.org/10.1016/s0167-6296\(02\)00033-4](https://doi.org/10.1016/s0167-6296(02)00033-4).

Roberts A. et al. (2021) Alcohol and Other Substance Use during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 229. Art. 109150. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.109150>.

Rossow I., Bye E.K., Moan I.S., Kilian C., Bramness J.G. (2021) Changes in Alcohol Consumption during the COVID-19 Pandemic — Small Change in Total Consumption, but Increase in Proportion of Heavy Drinkers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 8. Art. 4231. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084231>.

Schäfer A.A., Santos L.P., Quadra M.R., Dumith S.C., Meller F.O. (2022) Alcohol Consumption and Smoking during Covid-19 Pandemic: Association with Sociodemographic, Behavioral, and Mental Health Characteristics. *Journal of Community Health*. Vol. 47. No. 4. P. 588—597. <https://doi.org/10.1007/s10900-022-01085-5>.

Sharma P., Kamath C., Kurani S., Pazdernik V., Kremers H.M., St Sauver J., Croarkin P., Geske J., Prasad K., Patten C., Holland A. (2022) Longitudinal Correlates of Increased Alcohol Use Among Adolescents and Young Adults During the COVID-19 Pandemic. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 57. No. 6. P. 648—655. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agac024>.

Toffolutti V., Suhrcke M. (2014) Assessing the Short-term Health Impact of the Great Recession in the European Union: A Cross-country Panel Analysis. *Preventive Medicine*. Vol. 64. P. 54—62. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2014.03.028>.

Villette P.A., Lyonnard O., Trehu C., Barais M., Le Goff D., Le Floch B., Dany A., Guillou Landreat M. (2022) Changes in Alcohol Consumption after 1 Year of the COVID-19 Pandemic: A Cross-Sectional Study in a Region of France. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 22. Art. 15049. <https://doi.org/10.3390/ijerph192215049>.

Yakovlev E. (2018) Demand for Alcohol Consumption in Russia and Its Implication for Mortality. *American Economic Journal. Applied Economics*. Vol. 10. No. 1. P. 106—149. <https://doi.org/10.1257/app.20130170>.

Yazdi K., Fuchs-Leitner I., Rosenleitner J., Gerstgrasser N. W. (2020) Impact of the COVID-19 Pandemic on Patients with Alcohol Use Disorder and Associated Risk Factors for Relapse. *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 11. Art. 620612. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2020.620612>.

Приложение

Таблица 1. Средние предельные эффекты пробит-моделей: вероятность потребления алкоголя

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
age	0,0000	0,00 ***	-0,00 ***	0,00 *	-0,00 ***	0,00 *
	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)
marst	0,05 **	0	0,03 *	0,04 *	0,04 *	0,01
	(0,01)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
work	0,13 ***	0,06 **	0,12 ***	0,06 **	0,08 ***	0,04 *
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
kids	-0,01	0,03 *	-0,02	0	-0,02 *	0,02
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,01)
smoke	0,18 ***	0,18 ***	0,24 ***	0,20 ***	0,21 ***	0,19 ***
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
<i>place: село — базовая категория</i>						
поселок городского типа	0,04	0,03	0	0,04	-0,12 ***	-0,09 *
	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,04)	(0,03)	(0,04)
город	0,07 ***	0,07 **	0,07 ***	0,05 *	0,07 ***	0,06 **
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
областной центр	0,10 ***	0,11 ***	0,09 ***	0,13 ***	0,06 **	0,11 ***
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
Москва и Санкт-Петербург	-0,03	-0,05	-0,03	-0,04	-0,02	0
	(0,03)	(0,04)	(0,03)	(0,04)	(0,03)	(0,04)
<i>edu: 0—6 классов — базовая категория</i>						
незаконченное среднее образование, 7—8 классов + что-то еще	0,09	-0,15	0,17 *	-0,23 **	0,32 ***	-0,25 ***
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
законченное среднее образование	0,13	-0,08	0,16 *	-0,16 *	0,30 ***	-0,20 **
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
законченное специальное образование	0,14	-0,1	0,17 *	-0,17 *	0,32 ***	-0,22 ***
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
законченное высшее образование и выше	0,17 *	-0,01	0,23 **	-0,07	0,38 ***	-0,14 *
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
<i>income: 1 — базовая категория (самые бедные), все последующие ступени — все более обеспеченные</i>						
2	-0,05	-0,07	-0,01	-0,02	0,12 **	0,13 *
	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
3	-0,01	-0,01	0,05	0,02	0,17 ***	0,15 **
	(0,04)	(0,04)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
4	0	-0,08	0,05	-0,03	0,18 ***	0,12 *
	(0,04)	(0,04)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
5	0,01	-0,04	0,09 *	-0,04	0,17 ***	0,13 **
	(0,04)	(0,04)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
6	-0,08	-0,17 ***	0,04	-0,06	0,11 **	0,12 *
	(0,04)	(0,05)	(0,05)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
7	-0,1	-0,17 **	0,02	-0,09	0,19 ***	0,18 **
	(0,05)	(0,06)	(0,06)	(0,06)	(0,05)	(0,06)
8	-0,06	-0,19	0,06	0,05	0,13	0,2
	(0,12)	(0,12)	(0,11)	(0,11)	(0,13)	(0,11)
<i>health: совсем плохое и плохое здоровье — базовая категория</i>						
среднее	0,15 ***	0,19 ***	0,11 ***	0,18 ***	0,09 ***	0,17 ***
	(0,02)	(0,03)	(0,02)	(0,03)	(0,02)	(0,03)
хорошее и очень хорошее здоровье	0,14 ***	0,22 ***	0,10 ***	0,21 ***	0,13 ***	0,20 ***
	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)
unemployment_rate	-0,03 ***	-0,03 ***	-0,02 ***	-0,03 ***	0	-0,02 **
	(0,01)	(0,01)	(0,00)	(0,00)	(0,01)	(0,01)
norm_price	-0,17 ***	-0,14 ***	-0,16 ***	-0,13 ***	-0,30 ***	-0,19 ***
	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,04)	(0,04)
excess_mortality	—	—	0,000	0,000	0,00 ***	0,00***
	—	—	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)
Число наблюдений	4527	3032	4491	3006	4448	2981

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Поскольку переменная *age* входит в модель дважды — в первой и второй степенях — предельный эффект представлен в таблице суммарный, то есть это эффект одновременного изменения возраста и возраста в квадрате.

Стандартные робастные ошибки в скобках.

Таблица 2. Коэффициенты линейных регрессионных моделей:
объем потребления чистого этанола

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
age	0,05 ***	0,13 ***	0,04 ***	0,11 ***	0,04 ***	0,12 ***
	(0,01)	(0,02)	(0,01)	(0,02)	(0,01)	(0,02)
agesq	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***
	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)
marst	0,13	-0,39 **	0,21 **	-0,02	0,20 **	-0,25
	(0,07)	(0,15)	(0,07)	(0,14)	(0,07)	(0,14)
work	0,41 ***	0,38 **	0,44 ***	0,37 **	0,29 ***	0,19
	(0,08)	(0,13)	(0,08)	(0,13)	(0,08)	(0,13)
kids	-0,05	0,19 **	-0,11 *	0,03	-0,06	0,03
	(0,04)	(0,07)	(0,05)	(0,07)	(0,05)	(0,07)

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
smoke	1,42 ***	1,27 ***	1,61 ***	1,45 ***	1,71 ***	1,51 ***
	(0,12)	(0,11)	(0,12)	(0,11)	(0,12)	(0,11)
<i>place:</i> село — базовая категория						
посёлок городского типа	0,04	0,05	-0,1	-0,19	-0,36 ***	-0,45 **
	(0,12)	(0,19)	(0,11)	(0,18)	(0,10)	(0,17)
город	0,39 ***	0,63 ***	0,19 *	0,59 ***	0,41 ***	0,74 ***
	(0,09)	(0,15)	(0,08)	(0,15)	(0,08)	(0,14)
областной центр	0,23 **	0,62 ***	0,06	0,77 ***	-0,02	0,69 ***
	(0,08)	(0,14)	(0,08)	(0,14)	(0,08)	(0,14)
Москва и Санкт-Петербург	-0,03	-0,24	-0,08	0,26	0,06	0,48 *
	(0,14)	(0,24)	(0,15)	(0,26)	(0,14)	(0,24)
<i>edu:</i> 0—6 классов — базовая категория						
незаконченное среднее образование, 7—8 классов + что-то еще	-0,17	-0,38	0,12	0,35	0,04	-0,55
	(0,14)	(0,49)	(0,12)	(0,40)	(0,16)	(0,46)
законченное среднее образование	-0,14	-0,09	-0,06	0,3	-0,19	-0,39
	(0,14)	(0,48)	(0,12)	(0,39)	(0,15)	(0,46)
законченное специальное образование	-0,18	-0,34	-0,08	0,27	-0,24	-0,65
	(0,14)	(0,49)	(0,11)	(0,39)	(0,15)	(0,46)
законченное высшее образование и выше	-0,03	0,06	0,09	0,55	0,03	-0,24
	(0,15)	(0,49)	(0,12)	(0,39)	(0,16)	(0,46)
<i>income:</i> 1 — базовая категория (самые бедные), все последующие ступени — всё более обеспеченные						
2	-0,18	0,17	-0,35	-0,05	0,35 *	0,53
	(0,18)	(0,34)	(0,21)	(0,35)	(0,15)	(0,31)
3	-0,18	0,35	-0,3	0,03	0,44 **	0,75 **
	(0,17)	(0,32)	(0,20)	(0,33)	(0,14)	(0,29)
4	-0,04	0,22	-0,26	-0,26	0,61 ***	0,70 *
	(0,17)	(0,32)	(0,20)	(0,33)	(0,14)	(0,29)
5	0,01	0,37	-0,07	-0,03	0,63 ***	0,90 **
	(0,18)	(0,32)	(0,20)	(0,33)	(0,15)	(0,29)
6	0,02	-0,08	0	-0,15	0,50 **	0,66 *
	(0,20)	(0,34)	(0,22)	(0,36)	(0,17)	(0,32)
7	-0,15	-0,21	-0,06	-0,32	0,68 **	0,89 *
	(0,24)	(0,38)	(0,26)	(0,39)	(0,21)	(0,36)
8	0,1	-1,03	0,13	-0,76	-0,25	1,34
	(0,46)	(0,62)	(0,51)	(0,66)	(0,45)	(0,81)

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
<i>health:</i> совсем плохое и плохое здоровье — базовая категория						
<i>среднее</i>	0,43 *** (0,08)	0,73 *** (0,19)	0,30 *** (0,08)	0,81 *** (0,17)	0,26 *** (0,07)	0,70 *** (0,18)
<i>хорошее и очень хорошее здоровье</i>	0,22 * (0,11)	0,55 ** (0,21)	0,17 (0,11)	0,63 ** (0,20)	0,15 (0,11)	0,60 ** (0,20)
<i>unemployment_rate</i>	-0,01 (0,02)	-0,12 ** (0,04)	0 (0,01)	0 (0,02)	0,15 *** (0,02)	0,07 (0,04)
<i>norm_price</i>	-0,86 *** (0,13)	-0,72 ** (0,22)	-0,85 *** (0,13)	-1,24 *** (0,22)	-1,80 *** (0,16)	-1,92 *** (0,28)
<i>excess_mortality</i>	— —	— —	0,01*** (0,00)	0,01* (0,00)	0,01 *** (0,00)	0,02 *** (0,00)
<i>constant</i>	1,15 *** (0,35)	-0,23 (0,73)	1,10 ** (0,37)	-0,59 (0,70)	0,4 (0,34)	-1,08 (0,68)
Число наблюдений	4527	3032	4490	3006	4447	2980
R^2	0,16	0,18	0,16	0,18	0,2	0,2

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Стандартные робастные ошибки в скобках.